

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2022), 183–197
© The Author(s) 2022

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2022), 183–197
©Автор(ы) 2022

DOI: 10.18503/1992-0431-2022-3-77-183–197

«НЕЗАВИСИМЫЙ» ПОЭТИЧЕСКИЙ «КРУЖОК» АЗИНИЯ ПОЛЛИОНА?

Е.В. Снедкова

Московский государственный университет, Москва, Россия

E-mail: kiseleva.kate@gmail.com

ORCID: 0000-0002-1794-5065

Аннотация. Наиболее выдающимися литературными патронами «века Августа» являются Мecenат, Марк Мессала Корвин и Азиний Поллион. Все они выступали своеобразными «центрами притяжения» в римском литературном пространстве, однако их деятельность по-разному оценивается исследователями. Мecenат входил в число самых первых сторонников Октавиана и впоследствии занимал высокое положение в государстве. За поэтами его круга – в первую очередь за Вергилием и Горацием и в меньшей степени за элегистом Проперцием – закрепилась слава «глашатаев» нового, августовского «режима», а самому Мecenату традиционно отводится ключевая роль в тех трансформациях, которые переживал литературный патронат при Августе. Результат этих изменений получил выражение в таких историографических терминах, как «государственный» или «придворный» патронат. В свою очередь, Мecenату противопоставляются Мессала Корвин и Азиний Поллион, которые, по мнению ряда историков, покровительствовали литераторам, исходя из собственных интересов, то есть продолжали действовать в рамках «традиционного» литературного патроната, оставаясь, таким образом, независимыми от влияния Августа. Они объединяли вокруг себя поэтов, творчество которых в разной степени находилось в стороне от политической повестки, задаваемой принцепсом. Личность самого Мecenата, а также связанный с его именем поэтический «кружок», не были обделены вниманием авторов как специальных, так и более общих работ. В то же время о «независимых кружках» Мессалы и Поллиона нам до сих пор практически ничего неизвестно. Предметом особого интереса должен представляться последний, прежде не рассматривавшийся в историографии и не имеющий под собой такого «фундамента», каким для «кружка» Мессалы Корвина может выступать *Cognus Tibullianum*. Именно возможность существования «независимого» поэтического «кружка» вокруг Поллиона на одном из этапов его карьеры – пребывание Поллиона в Транспаданской Галлии – и рассматривается в настоящей статье. В ходе исследования автор приходит к выводу, что в 42–39/8 гг. до н.э. вокруг Азиния Поллиона действительно мог существовать «независимый» литературный «кружок», который был связан исключительно с личностью самого Азиния, – последнее крупное объединение поэтов уходящей республиканской эпохи. В него входили такие поэты, как Корнелий Галл, Вергилий и Парфений Никейский. При этом Поллиона следует считать,

Данные об авторе: Екатерина Владимировна Снедкова – аспирант кафедры истории древнего мира МГУ имени М.В. Ломоносова.

скорее, организационным лидером объединения, тогда как лидерство в творческой сфере принадлежало Парфению, оказавшему большое влияние на входивших в «кружок» поэтов еще до появления Поллиона в Галлии.

Ключевые слова: история древнего Рима, римская литература, поэтические «кружки», Азиний Поллион, Вергилий, Корнелий Галл, Парфений Никейский, Цинна, Меценат.

В специальной литературе, посвященной различным аспектам общественной и культурной жизни древнего Рима в «век Августа»¹, довольно давно существует представление о «независимых» литературных «кружках»². Как правило, под этим названием понимаются объединения поэтов вокруг Марка Валерия Мессалы Корвина и Гая Азиния Поллиона – двух наиболее видных литературных патронов эпохи³. «Независимость» этих объединений следует из противопоставления их патронов Меценату – пожалуй, самому известному покровителю поэзии обозначенного периода.

Меценат был неоспоримо важной фигурой для литературной жизни этой эпохи. По мнению ряда исследователей⁴, он энергично привлекал к прославлению *res publica restituta* наиболее талантливых поэтов. Именно с ним, а также непосредственно с Августом связывают возникновение так называемого «придворного» патроната в литературе (*court* и *state-centred patronage*)⁵. По выражению Г. Уильямса, Меценат «придал традиционному римскому институту патроната новую форму», так что литературу можно было поставить на службу «национальной политической программе», а не «корыстным стремлениям отдельного человека»⁶, что было характерно для предыдущего, «республиканского» этапа развития литературного патроната в Риме⁷, последними примерами которого и принято считать

¹ Под «веком Августа» мы понимаем период, начавшийся после убийства Юлия Цезаря в 44 г. до н.э., когда Октавиан начинает играть заметную роль в римской политике, и завершающийся 14 г. н.э. с его смертью. Он совпадает с «золотым веком» римской литературы, начало которого также иногда датируют и 43 г. до н.э. – годом смерти Цицерона. Оба термина, с учетом их условности, устойчиво употребляются в научной литературе. Об условности датировок см., в частности, Townend 1996, 905.

² Термин «кружок» широко используется в работах на многих языках (см. прим. 3). Единообразие в употреблении этого понятия отсутствует. Мы берем термин «кружок» в кавычки с целью избежать ассоциаций с кружками в современном понимании, а также подчеркнуть некоторую его условность. Под литературным «кружком» мы будем подразумевать объединение поэтов, лидер которого являлся литературным патроном для его участников.

³ Выражения “*Messalla’s circle*”, “*il circolo di Messalla*”, “*Dichterkreis des Messalla*”, “*cercle de Pollion*” и другие вариации встречаются в различных работах, e.g., Bardon 1940, Della Corte 1980 и даже в заголовках отдельных работ: Hanslik 1952, Davies 1973.

⁴ См. примечание 5.

⁵ В настоящее время роль Мецената в литературных процессах августовского Рима представляет дискуссионный вопрос. По мнению некоторых исследователей, в эпоху Августа действительно появляется «литературный патронат нового типа», когда патроном впервые становился человек, стоявший во главе государства, а именно сам Август (Duff 1909, 433–434). Подобное мнение высказывает Г. Уильямс, называя принцепса «первоочередным литературным патроном» (Williams 2012, 18). Существует и радикально противоположная точка зрения. Так, П. Уайт называет «политическую интерпретацию» литературного патроната при Августе «анахронизмом» (White 1993, 95–110). Наконец, существует и компромиссный взгляд по данному вопросу. См. в частности: Вутне 1996.

⁶ Williams 1990, 268.

⁷ О литературном патронате в эпоху Республики см.: Konstan, 2005; Williams 2012.

«кружки» Мессалы и Поллиона. Суждение о «независимости» этих литературных объединений происходит, таким образом, из представления о «независимости» их патронов. Следовательно, деятельность Мессалы и Азиния как патронов этих «кружков» должна была осуществляться в то же самое время, когда на этом же поприще активно выступал Меценат, а Октавиан уже безраздельно держал власть в своих руках – то есть после 31 г. до н.э., когда состоялась битва при Акции, хотя Меценат стал собирать вокруг себя поэтов в первой половине 30-х гг. до н.э.

Однако, несмотря на весьма большое значение, придаваемое «независимым» литературным «кружкам», эта тема не получила подробного освещения ни в отечественной, ни в зарубежной научной литературе. Ввиду этого «кружки» Мессалы и Поллиона представляют собой лишенные содержания историографические понятия. В большей степени это касается литературного объединения, связываемого с именем последнего. В то время как «кружок» Мессалы Корвина (хотя он и основывается на таком дискуссионном источнике, как *Corpus Tibullianum*) имеет «фундамент» в двух книгах элегий Тибулла, содержащих весьма продуктивный материал для изучения взаимоотношений поэта и патрона, про «кружок» Азиния Поллиона доподлинно неизвестно практически ничего. Все это ставит под сомнение самый главный вывод о «кружке» Поллиона – носил ли он приписываемый ему «независимый» характер и возможно ли противопоставлять его деятельность «государственному патронату» в лице Августа и Мецената.

В настоящей статье мы рассмотрим этап деятельности Азиния Поллиона, на протяжении которого, на наш взгляд, вокруг него действительно мог существовать поэтический «кружок» – а именно, во время пребывания Азиния Поллиона в Транспаданской Галлии⁸ – и постараемся сделать вывод о его независимости.

Азиний Поллион выступил в Галлию из Испании⁹ не ранее июня 43 г. до н.э.¹⁰ с тем, чтобы наконец объединить силы с Антонием (*Liv. per. CXX; Vell. II. LXIII; App. B.C. III. 97*), который в результате образования второго триумvirата и разделения западных провинций между триумвирами получил всю Галлию, кроме Нарбонской, отошедшей Лепиду (*App. B.C. IV. 2*). Поллион, по сообщению Веллея Патеркула, с семью легионами удерживал в то время во власти Антония в Цизальпинской Галлии область венетов (*Vell. II. 76*). В дальнейшем у нас нет никаких сведений о нем вплоть до начала Перузинской войны (*App. B.C. V. 32; 33*). Таким образом, на протяжении нескольких лет Поллион находился в провинции вдали от основных военных действий, переместившихся на Восток.

⁸ Рамки статьи не позволяют нам рассмотреть все взаимосвязи Азиния Поллиона с поэтами до и после этого периода, что является предметом наших отдельных исследований. На данном этапе отметим лишь, что изучение этих связей не позволяет говорить о том, что вокруг Поллиона как до, так и после его пребывания в Транспаданской Галлии существовало какое-либо объединение, которое можно было бы охарактеризовать как поэтический «кружок».

⁹ Поллион участвовал в Испанской войне под командованием Цезаря (*Suet. Iul. 55. 4*). К 44 г. до н.э. он находился в Дальней Испании в качестве наместника, где вел военные действия против Секста Помпея (*Vell. LXXIII. 2; App. B.C. IV. 84*). Оставаясь в провинции на протяжении почти всей Мутинской войны, Поллион в письмах к Цицерону (*Cic. Fam. X. 31–33*) стремился показать себя лояльным сторонником сената и республики, однако, так и не дождавшись распоряжения сената, он выступает из Испании в Галлию и переходит к Марку Антонию.

¹⁰ 8 июня 43 г. до н.э. Азиний Поллион еще писал Цицерону о том, что он по-прежнему ожидает инструкций от сената (*Cic. Fam. X. 32*).

Значимую роль в культурной жизни Транспаданской Галлии играл в то время древнегреческий поэт и грамматик Парфений Никейский, который, как мы покажем далее, оказал большое влияние на поэтов, которые будут связаны с Поллионом. Согласно «Суде», он был привезен в Италию Цинной в качестве военной добычи, когда римляне победили Митридата (Suidas, s. v. Παρθένιος, П664)¹¹. По мнению А. Холлиса, упомянутый в этом фрагменте Цинна должен был быть достаточно известным, так как автору не потребовалось указывать его имя, и поэтому речь в этом месте «Суды» должна идти именно о поэте-неотерике Цинне¹². Описываемые события А. Холлис склонен относить к поражению Митридата от Помпея в 66 г. до н.э.¹³

Однако в большей степени нас интересует, что в результате этих событий Парфений должен был оказаться в области Кремоны в Цизальпинской Галлии, откуда, согласно вполне убедительной аргументации Р. Дайера, происходила семья Цинны¹⁴. О дальнейшей судьбе Парфения «Суда» сообщает, что он был освобожден διὰ τὴν παιδευσιν (Suidas, s. v. Παρθένιος, П664), что Р. Дайер переводит «из-за/для обучения (детей)» вместо «благодаря своей учености»¹⁵, подразумевая деятельность Парфения в роли грамматика, обучающего греческому языку и греческой литературе.

Парфений Никейский считается автором первого римского произведения в жанре пропемптикона¹⁶, которое могло оказать влияние на Цинну, когда он создавал соответствующее сочинение для Поллиона (Charis. I. 124)¹⁷. Влияние Парфения прослеживается и в других произведениях Цинны¹⁸, а также в сочинениях Корнелия Галла и Вергилия¹⁹. О знакомстве Парфения с Галлом свидетельствует посвящение единственной дошедшей до нас работы никейского грамматика, Ἑρωτικά Παθήματα («О любовных страданиях») – прозаического сборника мифологических любовных сюжетов: Παρθενίας Κορνηλίου Γάλλου χαίρειν²⁰ (Парфений шлет приветствие Корнелию Галлу). Создание этого произведения Дж. Лайтфут относит к широкому временному отрезку с 52 по 26 гг. до н.э.²¹

Что касается Вергилия, то, согласно Макробию, Парфений был грамматиком, обучавшим поэта в юности (versus est Parthenii, quo grammatico in Graecis Vergilius usus est; Macr. Sat. 5.17.18)²². Р. Дайер совмещает это сообщение и сведения о том, что Парфений был привезен Цинной в Транспаданскую Галлию, заключая, что он мог преподавать на вилле Цинны или имел свою школу в области Кремоны. К. Франсез видит ситуацию с Парфением несколько более сложной ввиду его связи именно с поэтами, полагая, что он имел дело не с учениками, но с ав-

¹¹ Cit. ex. FRP. C. Helvius Cinna 19.

¹² FRP, 19.

¹³ Ibid.

¹⁴ Dyer 1996, 17f.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Lightfoot 1999, 41. Жанр пропемптикон подразумевает напутственное стихотворение с пожеланиями хорошего пути – как правило, близкому другу или родственнику.

¹⁷ FRP. C. Helvius Cinna. Fr. 2-6. Propempticon Pollionis.

¹⁸ Francese 1999, 66.

¹⁹ Lightfoot 1999, 50–76.

²⁰ Cit. ex Lightfoot 1999, 309.

²¹ Lightfoot 1999, 217.

²² Cit. ex Lightfoot 1999, Testimonia, 9(a), 8.

торами, которые работали над своими произведениями²³. Все это, однако, никак не противоречит тому факту, что Парфений, освобожденный διὰ τὴν παιδείαν, мог заниматься преподаванием и обучать юного Вергилия, про которого Светоний сообщает, что свое детство вплоть до совершеннолетия поэт провел в Кремоне (Suet. vita Verg. 6).

Можно предположить, что вместе с Вергилием Парфений обучал также и Корнелия Галла. Хотя место рождения последнего доподлинно неизвестно, вероятнее всего, он происходил из Галлии²⁴. Марк Валерий Проб, составивший в I в. н.э. комментарии к произведениям Вергилия, называет Галла его *condiscipulus*, школьным товарищем²⁵, что может отсылать ко временам обучения Вергилия у Парфения в Кремоне. На близкую дружбу Вергилия и Галла указывает и то, что последний выступает в роли адресата десятой буколики (*pausa meo Gallo ... carmina sunt dicenda*; Verg. Buc. X. 2–3), где поэт говорит своих о дружеских к нему чувствах (*Gallo, cuius amor tantum mihi crescit in horas // quantum vere novo viridis se subicit alnus* Verg. Buc. X. 73–74)²⁶.

Источники не сохранили никаких сведений о том, был ли знаком с Парфением сам Азиний Поллион. Однако если Парфений все еще оставался на тот момент в Транспаданской Галлии, его общество могло заинтересовать Поллиона, возможно, уже занимавшегося поэзией²⁷. Светоний передает, что во время написания своего исторического труда²⁸ Поллион обращался к Луцию Атею Филологу, который составил для него руководство по тому, как правильно писать (*praeseptis de ratione scribendi*; Suet. de gram. 10). В такой же роли мог в то время выступать для Поллиона и Парфений Никейский. Также стоит отметить, что Парфений был привезен в Италию Цинной, с которым Поллиона связывали дружеские отношения.

Как считает Р. Дайер, Поллион, находясь в Транспаданской Галлии, мог принадлежать к тому же «кружку» (*coterie*), что и Вергилий с Галлом. К нему мог относиться, по мнению исследователя, также и сам Цинна²⁹. Одновременное присутствие Галла, Вергилия и Поллиона в данной части провинции находит отражение в источниках и будет рассмотрено далее. Относительно Цинны вопрос не столь однозначен. Если мы принимаем сведения Плутарха об убийстве Цинны-поэта во время похорон Цезаря (Plut. Brut. 20)³⁰, то, следовательно, уже к марту

²³ Francese 1999, 65.

²⁴ Версию о происхождении Галла из Цизальпинской Галлии высказывает Э. Роусон: Rawson 1985, 35 n. 80; 37 n. 100. Эту версию также поддерживает Р. Дайер: Dyer 1996, 21, в то время как А. Холлис говорит о Нарбоннской Галлии: FRP, 225. Подробнее о дискуссии также см.: Manzoni 1995, 4–14.

²⁵ FRP, 225; Dyer, 22.

²⁶ Галлу, к которому так возрастает моя любовь с каждым часом, как с началом весны ольха покрывается зеленью.

²⁷ Источники сохранили упоминания о разностороннем поэтическом творчестве Азиния Поллиона. В частности, у Плиния Младшего мы читаем о «недостаточно серьезных стихках» (*versiculos severos parum*; Ep. V. 3), которые, в том числе, сочинял и Поллион, а Гораций (Sat. I. 10. 41–42; Carm. II. I. 9–10) и Вергилий (Buc. VIII. 9–10) говорят о трагедиях авторства Азиния. Единственный дошедший до нас фрагмент из поэзии Поллиона – слова *Veneris antistita Cupris* (Charis. I).

²⁸ Согласно «Суде», «Римская история», составленная Поллионом, насчитывала 17 книг (Suidas, s. v. Ἀσίνιος Πόλλιον, A4148), Cit. ex. FRH, 56. C. Asinius Pollio. F6.

²⁹ Dyer 1996, 23, n. 38.

³⁰ Это свидетельство принимает А. Холлис: FRP, 19, но оспаривает Т.П. Уайзмен: Wiseman 1974, 44–46.

44 г. до н.э. Цинна находился в Риме. Вергилий упоминает Цинну в IX буколике, отсылающей к раздачам земель ветеранам после битвы при Филиппах (октябрь 42 г. до н.э.), называя его вместе с Луцием Варием Руфом, который в то время был жив и впоследствии вместе с Вергилием представил Меценату юного Горация. Так, в IX буколике пастух Ликид говорит о том, что его стихи недостойны Вария и Цинны: *nam neque adhuc Vario videor nec dicere Cinna digna* (Verg. Buc. IX. 35–36). Это упоминание в целом может служить подтверждением тому, что Цинна был жив еще после 42 г. до н.э., поскольку если бы Вергилий приводил примеры не из своих ныне живущих современников, он, вероятно, обратился бы к более «древним» образцам³¹. Однако одного этого упоминания недостаточно, чтобы отвергать свидетельство Плутарха. К тому же ни одна из букол не посвящена Цинне напрямую, чего можно было бы ожидать, если бы Цинна был жив в момент их написания. В «Жизни Вергилия» (Suet. vita Verg. 19) Цинна так же не назван среди трех адресатов «Букол» (которые, впрочем, считаются адресатами лишь потому, что якобы принимали участие в комиссии по делам земельных раздач и помогли Вергилию вернуть поместье в Мантуе).

Таким образом, во время наместничества Поллиона в Транспаданской Галлии (приблизительно с осени 43 по осень 41 гг. до н.э.) могло существовать некоторое объединение поэтов, связанных между собой личным знакомством и культурным влиянием Парфения Никейского. Гай Гельвий Цинна, который был знаком с Поллионом задолго до его наместничества в Галлии и мог принадлежать к этому «кружку» на тех же основаниях, с большой вероятностью не был его частью. Х.К. Фернандес Корте пишет, что Поллион побуждал (*provocó*) к написанию стихов не только Цинну, но и Парфения³². На наш взгляд, данное предположение является преувеличением, поскольку и Пропемпстикон, и Смирна – главные произведения Цинны – были написаны им слишком рано³³ для того, чтобы Поллион мог ему покровительствовать и «побуждать» его к поэтическому творчеству. Что же касается Парфения, у нас нет никаких сведений о его отношениях с Поллионом. Но не стоит исключать вероятности того, что после смерти Цинны, который мог оказывать покровительство Парфению после его освобождения, никейский поэт искал патроната и обратился за ним к Поллиону, который также мог быть заинтересован в его услугах. Главными же поэтами, входившими в это объединение, должны были быть Корнелий Галл и Вергилий.

Наши сведения о взаимоотношениях Поллиона с Корнелием Галлом крайне скудны, однако ценны тем, что их источником является сам Азиний. Единственное прямое упоминание Галла мы встречаем в письме Поллиона к Цицерону 8 июня 43 г. до н.э. В этом письме Поллион называет Галла своим близким другом – *familiaris* (Cic. Fam. X. 32. 5). Поскольку из предыдущего письма от 16 марта того же года мы узнаем, что ранее Цицерон принял в число своих друзей некого

³¹ Над «обычаем» римлян ценить лишь только тех поэтов, что умерли столетия назад, иронизирует Гораций в обращенном к Августу послании, открывающем вторую книгу *Epistulae*: «Писателя, что сто лет тому назад умер, должно относить к превосходным и древним или же к новым, что ценятся мало?» (*Scriptor abhinc annos centum qui decidit, inter perfectos veteresque referri debet an inter vilis atque novos?* Hor. Epist. II. I. 36–38).

³² Fernández Corte 2018, 136, n. 5.

³³ Приблизительно в первой половине 50-х гг. до н.э., когда Поллиону должно было быть 15–20 лет.

familiarem Поллиона, мы можем предположить, что речь также идет о Корнелии Галле. Следовательно, к 43 г. до н.э. Поллиона с Галлом уже связывали отношения близкой дружбы, и их знакомство следует относить к более раннему времени³⁴. Дж. Э. Манцони пишет, что «с 45 г. до н.э. начинаются лучшие, самые продуктивные годы в жизни Корнелия Галла: к нему приходит успех в литературе, он водит дружбу с самыми прославленными людьми <...> и принимается за создание четырех книг *Amores*»³⁵. На первые годы этого периода приходится наместничество Поллиона в Транспаданской Галлии, пребывание самого Галла в провинции и написание «Буколик» Вергилия.

Как считает А. Холлис, Корнелий Галл и Вергилий были первыми поэтами, которым Азиний Поллион оказывал покровительство как патрон³⁶. Логично предположить, что Вергилия, еще не известного поэта, мог представить Поллиону Корнелий Галл, который уже находился с последним в дружеских отношениях, а также был давним близким другом Вергилия. Вполне приемлемой представляется и идея Г. Беннета о том, что, когда в 42 г. до н.э. Поллион занял Цизальпинскую Галлию, он мог сам пригласить Вергилия к себе, поскольку в своей новой должности он хотел выделять время на занятия литературой и сформировать вокруг себя кружок (literary circle)³⁷.

Самым первым серьезным произведением Вергилия были «Буколики». К Азинию Поллиону Вергилий обращается в них чаще, чем ко всем остальным (весьма немногочисленным) адресатам своей пасторальной поэзии: Поллион упоминается в эклогах III, IV (назван по имени) и VIII (местоимения *tu* (6), *te* и *tibi* (11); имя адресата не называется)³⁸ эклогах. Восьмое стихотворение сборника является наиболее показательным для понимания роли Поллиона в создании «Буколик», а также его взаимоотношений с Вергилием. Его основное содержание составляют две пастушеские песни, исполняемые пастухами Дамоном (17–63) и Алфесибеем (64–107). Наше же внимание привлекает обращение поэта к Поллиону в строках 6–13.

Прежде всего, Вергилий говорит о «скалах Тимава», которые преодолевает его адресат, и о «побережье Иллирийского моря», вдоль которого также может проходить его маршрут (*seu magni superas iam saxa Timaui // siue oram Illyrici legis aequoris*; Ibid. 6–7). Вероятно, прав Ф. Кэрнс, заключающий, что эти строки не заключают в себе точную историческую информацию³⁹. Тем не менее логично предположить, что упомянутые географические названия должны иметь отношение к «лаврам победителя» (*uictrices Laurus*; Ibid. 13), отсылающим, вероятнее всего, к триумфу Поллиона⁴⁰ за победу в ходе иллирийской кампании. Ф. Кэрнс

³⁴ Это может быть как период пребывания Поллиона в Испании, где, по всей видимости, находился также и Галл, так и вторая половина 50-х гг. до н.э., когда и Поллион, и Галл могли находиться в Риме.

³⁵ Manzoni 1995, 18.

³⁶ FRP, 3; 216.

³⁷ Bennett 1930, 333.

³⁸ Относительно отсутствия в эклоге упоминания Поллиона по имени см.: Cairns 2008, 70.

³⁹ Cairns 2008, 70.

⁴⁰ В 39 г. до н.э. Азиний Поллион справил триумф за победу, одержанную над парфинами в ходе иллирийской кампании (CIL I2 Tabula Triumphorum Barberiniana. P. 77; CIL I2 Acta Triumph. Capitolina. P. 50 = I. P. 461).

отмечает, что Вергилий может иметь в виду как триумф уже свершившийся, так и грядущий – или же вообще предсказывать Поллиону триумф, который ждет его в будущем⁴¹.

Примечательны при этом употребляемые Вергилием времена. С одной стороны, поэт задается вопросом: «настанет ли когда-либо тот день, когда мне будет дозволено воспеть твои [Поллиона – *Е. С.*] деяния?» (*en erit umquam ille dies, mihi cum liceat tua dicere facta?* Ibid. 7–8). С другой – просит Поллиона позволить (в настоящий момент) вплести вокруг его чела плющ в победные лавры (*atque hanc sine tempora circum inter uictrices hederam tibi serpere Laurus*;⁴² Ibid. 12–13). Интересно следующее: победные лавры (которые, согласно Вергилию, *уже* обвивают виски Поллиона) в данном случае, несомненно, отсылают к воинской славе Поллиона, в то время как плющ (*hedera*) должен отсылать к заслугам Поллиона в поэзии⁴³. На это также могут указывать предшествующие строки буколики, которые, на наш взгляд, представляют собой обращение Вергилия к Поллиону как к своему литературному патрону: «начав от тебя, с тобой заканчиваю: прими стихи, за которые я принялся по твоему повелению»⁴⁴ (*a te principium, tibi desinam: accipe iussis carmina coepta tuis*; Ibid. 11–12). Отметим существительное «*iussis*» – слово с таким же корнем⁴⁵ встречается у Вергилия в шестой буколике, обращенной к Альфену Вару: «я пою не по собственной воле»⁴⁶ (*non iniussa cano*; Verg. Buc. VI. 9). В шестой эклоге Вергилий говорит об этом в рамках небольшого *recusatio*, объясняя, что он начал петь о царях и сражениях, но Кинфий уцепил его за ухо и напомнил, что пастуху следует пасти тучных овец и сочинять тихую песню» (Ibid. 3–4)⁴⁷, поэтому, хотя он поет и *iussa*, он, как бы ни старался, все же не может воспеть деяния Вара в эпическом жанре, и мы не находим в этой эклоге никаких упоминаний о его победах. В восьмой эклоге, посвященной Поллиону, поэт прибегает к схожему приему, и риторические вопросы, которыми он задается (*en erit umquam ille dies...*), подразумевают, что в настоящий момент Вергилий еще не считает себя достаточно способным для того, чтобы описывать подвиги Поллиона на поле битвы. Однако все же, в отличие от VI буколики, Вергилий оставляет в тексте намек на военные победы Азиния.

Прославление стихов самого Поллиона Вергилий также оставляет на будущее, все же не преминув отметить при этом, что они единственные достойны ко-турна Софокла (*en erit ut liceat totum mihi ferre per orbem sola Sophocleo tua car-*

⁴¹ Cairns 2008, 66.

⁴² Буквально: и позволь, чтобы вокруг твоих висков вился плющ среди победных лавров.

⁴³ В предыдущей, седьмой, буколике у Вергилия: «Пастухи, украсьте плющом молодого поэта» (*pastores, hedera nascentem ornate poetam* Verg. Buc. VII, 25).

⁴⁴ Буквально «по твоим повелениям», во множественном числе, что, на наш взгляд, указывает на то, что Поллион неоднократно побуждал Вергилия к написанию «Буколик».

⁴⁵ Глагол *iubere* также употребляет Гораций в шестой сатире первой книги, говоря о том, что Меценат «приказал», чтобы Гораций теперь был в числе друзей Мецената (*iubesque esse in amicorum numero*; Hor. Sat. I. 6. 61–62). Контекст, в котором употребляет этот глагол Гораций, явно отражает ситуацию патрон–поэт, поэтому мы можем заключить, что слово *iussum* в данном случае также выбрано Вергилием неслучайно.

⁴⁶ *Non iniussa* буквально «не непрошенное». Также можно понять отрицание *non* как усиление: т.е. я пою то, что мне было приказано петь; то, что я пою по [твоему] повелению.

⁴⁷ *cum canerem reges et proelia, Cynthus aurem // uellit et admonuit: 'pastorem, Tityre, pinguis // pascere oportet ouis, deductum dicere carmen.'*

mina digna coturno? Verg. Buc. VIII. 9–10). Возвращаясь к упоминанию плюща, мы можем предположить, что поэт имеет в виду именно покровительство Поллиона его поэзии: завершив работу над «Буколиками» (*desinam*; Ibid. 11)⁴⁸, он просит его «принять результат» как работы Вергилия, так и его собственного покровительства, и *hanc hederam* (*этой* плющ) может означать составленный Вергилием сборник эклог⁴⁹.

Таким образом, роль Поллиона в создании первого серьезного произведения Вергилия представляется весьма значительной и высоко оценивается самим поэтом. При этом, на наш взгляд, слова *iussis tuis* (Verg. Buc. VIII. 11–12) следует понимать и более конкретно: Поллион хотел, чтобы в созданном Вергилием произведении воспевались его заслуги как литературного патрона поэта.

А. Дэлзелл вполне справедливо отмечает, что Вергилий как будто извиняется за буколическую направленность своего сочинения, а потому «Буколики», если и были «заказаны» Поллионом, в итоге не совсем соответствовали его ожиданиям⁵⁰. Действительно, в третьей эклоге Вергилий говорит о том, что Поллион любит его Музу⁵¹, хотя она и незатейливая (или в прямом смысле – сельская): *Pollio amat nostram, quamvis est rustica, Musam* (Verg. Buc. VIII. 84). В знаменитой четвертой эклоге, возвещающей о скором наступлении золотого века и рождении божественного ребенка и написанной уже после брундизийского соглашения⁵², Вергилий также замечает, что не всем приятны рощи и низкорослый тамариск (Verg. Buc. IV. 2), поэтому он будет воспевать леса так, чтобы и они были достойны консула, то есть Поллиона (*si canimus siluas, siluae sint consule dignae*; Ibid. 3). Обращаясь все к тем же «сельским» сицилийским Музам, поэт теперь призывает их воспевать дела более великие (*Sicelides Musae, paulo maiora canamus*; Ibid. 1). Наступление золотого века Вергилий пророчит в консульство Поллиона (*Pollio ...*

⁴⁸ Расположение эклог в сборнике, а также порядок их написания неоднократно привлекал внимание исследователей. Своеобразный итог этой дискуссии подводит А. Перутелли, предполагая, что могла существовать ранняя версия сборника, которая содержала эклоги, связанные с Поллионом, а также эклоги без адресата, которые признаны наиболее ранними и также могли быть вдохновлены Поллионом и связаны с его патронатом над Вергилием. Это (по хронологии написания) эклоги II, III, V, IV, VIII. Perutelli 1995, 29–30. Поэтому уже в восьмой эклоге поэт говорит о завершении работы над своими стихами.

⁴⁹ Сервий в комментарии к восьмой эклоге высказывает мнение о том, что Вергилий иносказательно хочет передать следующее: «мой стих должен цвести среди твоих многочисленных триумфов» (*debet etiam carmen meum florere inter tuos plures triumphos*; Serv. Ecl. VIII. 12).

⁵⁰ Dalzell 1956, 155.

⁵¹ Это выражение поэта наталкивает Г. Беннета (Bennet 1930, 332) на мысль о том, что второй эклогой (исследователь также считает эту и следующую за ней эклогу самыми ранними) Вергилий заслужил патронат Поллиона, поскольку уже в третьей поэт может заявить о том, что его Муза по нраву Поллиону. С одной стороны, с этим предположением вполне можно согласиться. С другой, оно передает «инициативу» в написании «Буколик» Вергилию, в то время как она, как нам представляется и как мы показали выше, по большей части должна была исходить от Поллиона.

⁵² А. Перутелли в датировке четвертой эклоги опирается только на содержащееся в ней указание на консульство Поллиона, датируя ее, таким образом, началом 40 г. до н.э. (Perutelli 1995, 28). Ю.Г. Чернышов, напротив, в вопросе датировки эклоги делает акцент на общем историческом контексте и переплетении событий политической истории с судьбой автора, датируя эклогу временем после брундизийского договора (Чернышов 1990). В данном вопросе мы склонны согласиться с аргументами последнего.

te duce; Ibid. 12–13)⁵³, что вряд ли могло бы его не устроить. Вероятно, Поллион и не ждал от Вергилия воспевания своих деяний в громоздких гекзаметрах, желая быть представленным прежде всего как покровитель поэзии, а не как военный и политический деятель – в одном из писем к Цицерону он сам признавался в том, что его природа и занятия (вероятно, это могла быть литературная деятельность) влекут его к желанию мира и свободы (Cic. Fam. X. 31. 2).

Разумеется, патронат Поллиона приносил определенную выгоду самому Вергилию и заключался не только в том, что Поллион побудил молодого поэта к написанию стихов. Согласно комментарию Сервия ко второй эклоге, Поллион принимал Вергилия у себя: по одной из версий, передаваемых комментатором, под Алексидом – юношей, в которого безответно влюблен пастух Коридон⁵⁴, – понимается Александр, слуга Азиния Поллиона⁵⁵, увиденный Вергилием во время завтрака, на который он был приглашен (Serv. Ecl. II. 1)⁵⁶. Понравившегося раба Вергилий получил от Поллиона в дар (eumque dono accepit; Ibid.). Одного этого замечания, конечно, недостаточно, чтобы заключить, что Вергилия принимали у Поллиона только по приглашению, хотя, судя по тому, как поэт обращается к своему патрону (глаголы sine, liceat в восьмой буколике), между Вергилием и Поллионом была существенная дистанция – большая, чем между Вергилием и Альфеном Варом, и намного более значительная, чем между ним и Корнелием Галлом.

О подаренном поэту рабе Поллиона по имени Александр говорит и Светоний, ничего, однако, не сообщая об обстоятельствах их встречи (Suet. vita Verg. 9). Не исключено, что они были «воссозданы» Сервием исходя из контекста прочтения других эклог, связанных с Поллионом. Тем не менее даже такая «воссозданная» Сервием картина вполне могла отражать реальные взаимоотношения между Азинием Поллионом и Вергилием как между патроном и поэтом.

Светоний связывает написание «Буколик» с одним конкретным и достаточно трагичным событием в жизни Вергилия. Согласно его биографии Вергилия, поэт, принимаясь за составление сборника пастушеских стихов, главным образом желал прославить Азиния Поллиона, Альфена Вара и Корнелия Галла, поскольку благодаря им Вергилий не понес никакого ущерба во время раздела земель за Падом, который производился в пользу ветеранов по приказу триумвиров после победы в битве при Филиппах (Suet. vita Verg. 19)⁵⁷. Как предположительно следует из девятой эклоги, под раздачу земель ветеранам попала также Мантуя – «увы, слишком близкая к несчастной Кремоне» (Mantua uae miserae nimium uicina Cremonae; Verg. Buc. IX. 28). По словам Сервия, Вергилий, потеряв свое поместье, пришел

⁵³ По одной из многочисленных версий, «божественный младенец» отождествляется с одним из сыновей Азиния Поллиона – Азинием Галлом или Салонином. Эту версию, принятую «некоторыми» (quidam/alii accipiunt), высказывает в комментарии к IV буколике Сервий: его комментарий – единственное свидетельство о том, что у Поллиона мог быть второй сын, Салонин (Serv. Ecl. IV).

⁵⁴ Под Коридоном, согласно Сервию, понимается сам Вергилий: Corydonis in persona Vergilius intellegitur (Serv. Ecl. II, 1).

⁵⁵ Также Сервий приводит версию о том, что Алексид был возлюбленным Поллиона и Вергилий посчитал, что тому будет приятно, если поэт его прославит (Serv. Ecl. II, 1).

⁵⁶ ALEXIM dicunt Alexandrum, qui fuit servus Asinii Pollionis, quem Vergilius, rogatus ad prandium, cum vidisset in ministerio omnium pulcherrimum, dilexit eumque dono accepit.

⁵⁷ ad “Bucolica” transiit, maxime ut Asinium Pollionem, Alfenum Varum et Cornelium Gallum celebraret, quia in distributione agrorum, qui post Philippensem victoriam veteranis triumvirorum iussu trans Padum dividebantur, indemnem se praestitissent.

в Рим и, благодаря покровительству могущественных людей, добился того, что один смог вернуть себе свою землю (*perdito ergo agro Vergilius Romam venit et potentium favore meruit, ut agrum suum solus reciperet*; Serv. Ecl. praef.)⁵⁸. Этот «эпизод из биографии» Вергилия в различных вариациях нашел отражение и у других более поздних комментаторов: следует назвать также грамматика IV в. Элия Доната (*Donatus* 63) и «Бернские схолии» к Вергилию IX в. (*Schol. Bern. Ecl. VIII. 6*). Среди защитников Вергилия, помимо Поллиона, в источниках называются уже упомянутые Альфен Вар и Корнелий Галл, а также Меценат и Эмилий Макр.

Эти сведения более поздних комментаторов об Азинии Поллионе являются единственными подтверждениями его деятельности, связанной с раздачами земель ветеранам, и Г. Беннет вполне оправданно склонен считать их не более чем контекстуальной интерпретацией текста «Буколик»⁵⁹. Однако даже если мы отказываем античным комментаторам Вергилия в исторической достоверности, их интерпретации представляют для нас определенный интерес, поскольку сама возможность такого понимания текста Вергилия еще в античности говорит о том, что поэт показал в своем тексте Поллиона так, что это позволило более поздним комментаторам увидеть в нем заступника и покровителя Вергилия. На наш взгляд, наиболее справедлива точка зрения Г. Дж. Роуза: для нас в целом не имеет значения, правдивы или нет сведения комментаторов о том, что Поллион участвовал в распределении земель – главное, что Вергилий считал стоящим заслужить его благосклонность⁶⁰, на что, в том числе, было направлено сочинение «Буколик».

Наконец, для того чтобы понять, до какого момента Азиний Поллион еще мог считаться патроном Вергилия, обратимся к нескольким сатирам другого поэта «золотого века» – Горация.

В пятой сатире первой книги Гораций описывает одно свое путешествие, конечным пунктом которого был Брундизий. У поэта было несколько спутников, в том числе – Меценат, а также поэты Луций Варий Руф и Вергилий. Существует несколько версий того, когда и с какой целью могло состояться это путешествие. Наиболее предпочтительной Э. Гауэрс считает версию о дипломатической миссии, направлявшейся в Тарент, где в 37 г. до н.э. был заключен новый мирный договор между Антонием и Октавианом, подтверждавший соглашение в Брундизии⁶¹. Следовательно, представление Горация Меценату, которое сам поэт описывает в следующей сатире (*Hor. Sat. I. 6. 52–62*), должно было состояться не позже этой даты – как нам представляется, не позднее 38 г. до н.э., поскольку Меценату потребовалось 9 месяцев на обдумывание, прежде чем он принял Горация в число своих друзей (*et reuocas nono post mense iubesque esse in amicorum numero*; *Hor. Sat. I. 6.61–62*).

⁵⁸ Защита поместья Вергилия в Мантуе от конфискации, а также круг проблем, связанных с этим вопросом, являются, по выражению Л. Кэппи, «самой сутью» изучения биографии поэта и его произведений (*are the very stuff of Vergilian scholarship*): Keppi 1981, 367, и эта многогранная тема неоднократно становилась предметом отдельных исследований. В рамках же настоящей статьи для нас достаточно упомянуть этот сюжет как еще один возможный пример взаимоотношений Вергилия с Азинием Поллионом как поэта со своим патроном.

⁵⁹ Keppi 1981, 334.

⁶⁰ Rose 1942, 83.

⁶¹ Gowers 2012, 182–186.

Таким образом, Вергилий, который вместе с Варием представлял Горация его будущему патрону, к 38 г. до н.э. уже должен был быть достаточно близок к Меценату, чтобы рекомендовать ему поэта. Это косвенно подтверждается и творчеством самого Вергилия. Первая эклога, если видеть в ней автобиографические черты, а в пастухе Титире – самого поэта, должна была быть написана через некоторое время после 40 г. до н.э., когда вопрос с поместьем Вергилия мог быть благополучно решен благодаря Октавиану⁶². По мнению Г. Тауненда, «появление Октавиана Цезаря как победителя и спасителя в I эклоге, написанной через год или два после 40 г. до н.э., сразу идентифицирует Вергилия как поэта «века Августа»⁶³ (Augustan)⁶⁴.

Итак, Азиний Поллион был литературным патроном Вергилия, когда он только начинал свой путь в поэзии, и оставался им вплоть до 39 или 38 г. до н.э. До этого же времени еще формально могло существовать и объединение поэтов, связанных с Поллионом, – прежде всего, сам Вергилий, а также Корнелий Галл и Парфений Никейский. При этом Поллион выступал как патрон и организационный лидер, в то время как лидерство творческое принадлежало Парфению Никейскому.

Таким образом, мы можем говорить о том, что в промежутке с 42 по 38 гг. до н.э. Поллион был центральной фигурой литературного «кружка», сформировавшегося в Цизальпинской Галлии. Говоря же о *независимости* этого объединения, можно действительно назвать его последним «республиканским кружком» – прежде всего, именно по времени существования, поскольку «кружок» Мецената начнет оформляться только в конце этого периода. Поэтому в данном случае не имеет смысла искать в произведениях, принадлежавших к кругу Поллиона поэтов, «августовских» тем или намеренного отказа от них – к тому же, что от поэзии как Галла⁶⁵, так и Парфения⁶⁶ до нас дошли лишь очень небольшие фрагменты.

Также трудно сделать вывод о том, насколько эта поэзия была близка самому Поллиону. Однако для него мог быть не столько важен жанр, сколько сам факт литературной деятельности, покровителем которой он являлся. В письме Цицерону Поллион писал о том, что он часто оплакивал начало гражданской войны в Риме (Cic. Fam. X. 31. 2). И в этом плане Поллиону могла быть близка книга буколик Вергилия. Я.Ю. Межерицкий отвергает идею о том, что «личная драма» Вергилия, связанная с его мантуанским поместьем и разрешившаяся в высшей степени благополучно благодаря Октавиану, сыграла «решающую роль в превращении Вергилия в глашатая нового режима»⁶⁷. По мнению исследователя, «первое входящее в канонический корпус сочинение Вергилия говорит о духовной независи-

⁶² Эта буколика представляет собой диалог пастухов Мелибея и Титира: в то время как первый, потеряв свою землю, должен покидать родные края, Титир может спокойно сочинять новый пастуший напев, за что он выражает благодарность богу (deus nobis haec otia fecit: namque erit ille mihi semper deus; Verg. Buc. I. 6–7). Под «богом» обычно понимается Октавиан. Впрочем, Н. Хорсфэлл считает, что ни I, ни IX буколики не содержат никаких автобиографических черт: Horsfall 1995, 11f.

⁶³ В данном случае следует понимать «век Августа» не с хронологической, но с идейно-содержательной точки зрения.

⁶⁴ Townend 1996, 905.

⁶⁵ Дошедшие фрагменты произведений Корнелия Галла: FRP. C. Cornelius Gallus. Fr. 138–145.

⁶⁶ Фрагменты произведений Парфения – Lightfoot 1999.

⁶⁷ Межерицкий 2016, 677.

мости поэта»⁶⁸. Эта независимость, проявлявшаяся в демонстрации Вергилием всех тягот и бедствий гражданских войн наравне с воспеванием тихой мирной жизни, несомненно, должна была импонировать Поллиону.

Наконец, стоит отметить, что в рамках сборника буколик можно увидеть и своеобразный генетлиакон – стихотворение по случаю дня рождения (в рамках *Corpus Tibullianum*, связанного с «кружком» Мессалы Корвина, их встречается не менее шести), которое могло быть написано только в очень узком литературном кругу: именно так называет четвертую эклогу Сервий, понимая (в данном месте своего комментария) под божественным младенцем Салонина, сына Поллиона (*Asinius Pollio <...> suscepit filium, quem a capta civitate Saloninum vocavit, cui nunc Vergilius genethliacon dicit; Serv. Ecl. IV. 1*). Конечно, триумфам своего патрона Вергилий не посвятил отдельного произведения, однако все же не смог не упомянуть о победных лаврах. К тому же однажды действительно мог бы настать *ille dies*, когда Вергилий в полной мере прославил бы деяния Поллиона. Но судьба поэта сложилась иначе, и в гекзаметрах он воспел уже не подвиги Азиния Поллиона, а «битвы и мужа».

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Bardon, H. 1940: *Les empereurs et les lettres latine d'Auguste à Hadrien*. Paris.
- Bennett, H. 1930: Vergil and Pollio. *The American Journal of Philology* 4, 325–342.
- Byrne, Sh.N. 1996: *Maecenas*. Evanston, Illinois.
- Chernyshov, Yu.G. 1990: Brundiziyskiy mir i «zagadka» IV eklogi Vergiliya. [The Treaty of Brundisium and the “mystery” of Virgil’s fourth eclogue]. In E.D. Frolov. (ed.), *Gosudarstvo, politika i ideologiya v antichnom mire* [State, politics and society in the ancient world]. Leningrad, 136–148.
- Чернышов, Ю.Г. 1990: Брундизийский мир и «загадка» IV эклоги Вергилия. В сб.: Фролов Э.Д. (ред.), *Государство, политика и идеология в античном мире*. Л., 136–148.
- Fernández Corte, J.C. 2018: Escritura y política en la época augustea: Asinio Polión. In R. Cortés Tovar, S. González Marin, J. Cantó Llorca (eds.), *CUM MENS ONUS REPONIT...: Artículos Inéditos Y Selección De Conferencias*. Salamanca, 131–146.
- Dalzell, A. 1956: Maecenas and the Poets. *Phoenix* 4, 151–162.
- Davies, C. 1973: Poetry in the “Circle” of Messalla. *Greece & Rome* 1, 25–35.
- Della Corte, F. 1980: *Tibullo: Le Elegie*. Milano.
- Duff, J.W. 1909: *Literary History of Rome from the Origins to the Close of the Golden Age*. London–Leipzig.
- Dyer, R. 1996: Where Did Parthenius Teach Vergil? *Vergilius* 42, 14–24.
- Francese, Ch. 1999: Parthenius ‘Grammaticus.’ *Mnemosyne* 1, 63–71.
- Gowers, E. 2012: *Horace. Satires. B. I*. Cambridge.
- Hanslik, R. 1952: *Der Dichterkreis Des Messalla*. Wien.
- Horsfall, N. 1995: Chapter One: Virgil: his life and times. In N. Horsfall (ed.), *A Companion to the Study of Virgil*. Leiden–New York–Köln, 1–25.
- Keppi, L. 1981: Vergil, the Confiscations, and Caesar’s Tenth Legion. *The Classical Quarterly* 2, 367–370.
- Konstan, D. 2005: Friendship and Patronage. In S. Harrison (ed.), *A Companion to Latin Literature*. Malden–MA–Oxford, 345–359.

⁶⁸ Межерицкий 2016, 677.

- Lightfoot, J.L. 1999: *Parthenius of Nicaea. The poetical fragments and the Ἑρωτικά Παθήματα*. Oxford.
- Manzoni, G.E. 1995: *Foroiulensis poeta: vita e poesia di Cornelio Gallo*. Milan.
- Mezheritskiy, Ya.Yu. 2016: “*Vosstanovlennaya respublika*” *imperatora Avgusta* [“*Restored Republic*” of Augustus]. Moscow.
- Межерицкий, Я. Ю. 2016: «*Восстановленная республика*» императора Августа. М.
- Mountford, P. 2019: *Maecenas*. Routledge.
- Perutelli, A. 1995: Chapter Two: Bucolics. In: N. Horsfall (ed.), *A Companion to the Study of Virgil*. Leiden–New York–Köln, 27–62.
- Rawson, E. 1985: *Intellectual Life in the Late Roman Republic*. London.
- Rose, H.J. 1942: *The Eclogues of Vergil*. University of California Press.
- Townend, G. 1996: Literature and society. In A. Bowman, E. Champlin, A. Lintott (eds.), *The Cambridge Ancient History*. Vol. 10. Cambridge, 905–929.
- White, P. 1993: *Promised Verse: Poets in the Society of Augustan Rome*. Harvard.
- Williams, G. 1990: Did Maecenas “Fall from Favor”? Augustan Literary Patronage. In K.A. Raaflaub, M. Toher (eds.), *Between Republic and Empire. Interpretations of Augustus and His Principate*. Berkeley–Los Angeles–Oxford, 258–276.
- Williams, G. 2012: Phases of Political Patronage of Literature in Rome. In B.K. Gold (ed.), *Literary and Artistic Patronage in Ancient Rome*. Austin, 3–28.
- Wiseman, T.P. 1974: *Cinna the Poet, and Other Roman Essays*. Leicester.

ASINIUS POLLIO’S “INDEPENDENT” POETRY “CIRCLE”?

Ekaterina V. Snedkova

Moscow State University, Moscow, Russia

E-mail: kiseleva.kate@gmail.com

Abstract. The most outstanding literary patrons of the “Age of Augustus” are considered to be Maecenas, Messalla Corvinus and Asinius Pollio. They all acted as “centers of attraction” in the Roman literary sphere, but researchers assess their activities differently. Maecenas was among the very first supporters of Octavian and subsequently held a high position in the state. The poets of his circle, first of all Virgil and Horace, and to a lesser extent the elegist Propertius, gained fame as the “heralds” of the new Augustan “regime”, and Maecenas himself is traditionally assigned a key role in the transformations that the literary patronage experienced under Augustus. The result of these changes was expressed in historiographic terms such as the “state” or “court” patronage. In turn, there are Messalla Corvinus and Asinius Pollio, opposed to Maecenas. According to a number of historians, they patronized men of letters based on their own interests, that is, continued to act within the framework of the “traditional” literary patronage, thus remaining independent of the influence of Augustus. They gathered around themselves the poets, whose works were to different extents aside from the political agenda set by the princeps. The personality of Maecenas himself, as well as the poetic “circle” associated with his name, were not deprived of the attention of the authors of both specialized and more general works. At the same time, we still know practically nothing about the “independent circles” of Messalla and Pollio. The subject of special interest should be the latter, which has not been previously examined in historiography and does not have such a “foundation” as the Corpus Tibullianum can be for the “circle” of Messalla Corvinus. It is the possibility of the existence of an “independent” poetic

“circle” around Pollio at one of the stages of his career – Pollio’s stay in Transpadane Gaul – that is considered in this article. In the course of the research, the author comes to the conclusion that in 42-39/8 BC, an independent literary “circle”, which was associated with the personality of Asinius alone, could really exist around Pollio, – the last major poets’ association of the outgoing republican era. It included such poets as Cornelius Gallus, Virgil, and Parthenius of Nicaea. At the same time, Pollio should be considered more likely as the organizational leader of the association, whereas the creative leadership belonged to Parthenius, who had a great influence on the poets, later to become part of the “circle”, even before the appearance of Pollio in Gaul.

Keywords: Roman history, literary patronage, Roman literature, poetry “circles”, Asinius Pollio, Virgil, Cornelius Gallus, Parthenius of Nicaea, Cinna, Maecenas.
